

"Lettres sur Odessa" Шарля Сикара

В издательстве "Оптимум" готовится к печати любопытное репринтное издание первых книг об Одессе: Павла Сумарокова, Шарля Сикара и аббата Николая. Вступительные статьи к этим выдающимся книжным памятникам нашего города написаны доцентом Европейского университета Александром Третьяком. С любезного разрешения автора и редакции мы предлагаем читателям статью, посвященную одному из наиболее видных и знаменитых негоциантов Одессы первой четверти XIX столетия Карлу Яковлевичу Сикару.

Едва ли не с самого начала XIX столетия Одесса практически мгновенно ворвалась в высшие сферы экономической жизни Европы. Многим современникам это могло показаться некой сказкой о едва родившемся городе с пленительным именем, но вряд ли способным выжить в буре политических и социально-экономических потрясений того периода. Сомнения относительно прочности, а тем более долговечности позиции крупнейшего торгового порта на Черном море были, следует признать, не беспочвенными. Примеры бурного младенчества Херсона и Николаева, попытки возрождения былого величия Кафы под своим древнегреческим наименованием Феодосия, окончившиеся тихим провинциальным прозябанием, если не окончательно, то достаточно серьезно поколебали уверенность европейского купечества в широких перспективах черноморской торговли. Развеять подобные сомнения касательно Одессы, как, впрочем, и других портов Северного Причерноморья, и стало одной из главных задач герцога Ришелье, заступившего на пост одесского градоначальника в феврале 1803 г.

Вряд ли стоит говорить о том, что любые планы, даже наиболее перспективные, лишённые при их реализации силы разума и силы души, отнюдь не всегда, а вернее, почти никогда не приводят к благоприятному завершению задуманного. Эту, казалось бы, простую истину великолепно понимал и осознавал с самого начала своего правления герцог Ришелье. Уже сам по себе масштаб личности герцога был залогом истинно благородного, честного подхода к реализации тех перспектив Одессы, которые до этого, повторимся, многим современникам казались сказочными. Данную неуловимую грань перехода из варварского состояния к цивилизованному, пожалуй, впервые уже четко отметил французский путешественник и дипломат Жан Рёйи¹, воочию наблюдавший еще летом 1803 г. за

¹ Reully J. Voyage en Crimée et sur les bord de la mer Noire pendant l'année 1803. — P., 1806. Здесь и далее сохраняется оригинальная орфография изданий начала XIX века.

L E T T R E S
S U R O D E S S A .

PAR SICARD, AÎNÉ,
Négociant établi dans cette ville.

Je vois creuser des ports, bâtir des arsenaux;

.

Les marais sont couverts de moissons jaunissantes,

Les déserts sont peuplés de villes florissantes.

(Épître sur les voyages, par J. Delille.)

ST. - PÉTERSBOURG,
DE L'IMPRIMERIE DE PLUCHART ET COMP.

1 8 1 2 .

бурными изменениями в жизни юной Одессы. Эти записки представителя правительства Франции, изначально предназначенные для Наполеона и опубликованные по личному распоряжению французского императора, интересны, прежде всего, тем, что Рёйи сопровождал герцога Ришелье из Петербурга в Одессу еще в феврале 1803 г., то есть в момент прибытия Ришелье к месту своего нового назначения градоначальником города. Через несколько месяцев, после своего путешествия по Крыму Жан Рёйи имел все веские доказательства того, что планы герцога относительно Одессы воплощаются необыкновенно быстро и энергично².

Подобную же тенденцию мгновенно возросшего влияния юной Одессы на черноморскую и средиземноморскую торговлю четко обозначил и мэр Марселя Антуан в своей книге "Исторические очерки о торговле и навигации по Черному морю".³ Кстати, следует отметить, что Антуан стоял у истоков качественно новых торговых отношений западноевропейского купечества с портами Черного моря, основав свой дом в Херсоне еще в 1781 г., за что получил титул барона от французского короля и награды от Екатерины II.⁴

И все же для Ришелье этого было явно недостаточно. Слишком велика была ставка в деле создания первоклассного европейского торгового порта, на что требовались десятилетия, а то и столетия даже в самых развитых странах континента. Относительно Одессы, экономический статус которой утверждался в считанные месяцы, необходим был совершенно новый подход, в том числе и к созданию соответствующего имиджа юного города в глазах европейцев. При всей личной скромности герцога он знал цену и себе, и своему детищу, а потому в этих вопросах для него мелочей не существовало. Особенно после того, как Одесса с 1805 г. стала административным и политическим центром огромного Новороссийского края.

Пожалуй, одной из основных заслуг герцога Ришелье было удивительное чутье на лучшие человеческие качества тех его помощников, которые непосредственно воплощали грандиозные замыслы по преобразованию вверенного под его управление края. В число ближайшего окружения Ришелье

² Ibid., p. 261-270.

³ [Anthoine]. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire, ou Voyage et entreprises pour établir des rapports commerciaux et maritimes entre les ports de la Mer-Noire et ceux de la Méditerranée. — P., 1805. Следует отметить, что второе издание этой книги: Anthoine, baron de Saint-Joseph. Essai historique..., 1820, представляет собой подлинный гимн реализованному коммерческому потенциалу Одессы.

⁴ См.: Macleod H. A Dictionary of Political Economy. — V. 1. — L., 1863. — p. 16.

входил и выходец из Марсея, поселившийся в Одессе в самом начале 1804 г., Шарль Сикар. Это был во всех смыслах этого слова необыкновенный человек. Удачливый коммерсант, его купеческий дом в Одессе оперировал сотнями тысяч рублей торговых оборотов, умный, образованный, тонкий ценитель изящных искусств, стоявший у истоков театрального величия Одессы XIX века, Сикар являлся близким другом Ришелье и тогда, когда герцог находился на службе в России, и тогда, когда занял пост премьер-министра Франции.⁵ Поэтому есть некая высшая справедливость в том, что именно Сикару суждено было в конце первого десятилетия XIX в. публично зафиксировать тот переворот в экономической жизни Одессы, который был совершен всего за несколько лет управления городом Ришелье.

Шарль Сикар (1773-1830), принявший при переходе в российское подданство имя Карл Яковлевич Сикар, переселился на постоянное место жительства из Марсея в Одессу уже в тридцатилетнем возрасте. Он прожил здесь не просто благополучную, счастливую жизнь, но образцово удачливую, как в личном, так и в гражданском, да и в общественном смысле. Остроумный, веселый, жизнерадостный человек, устроитель и участник знаменитых одесских балов, увеселений и маскарадов, душа общества, он, вместе с тем, был совершенно счастлив и в браке, а его юная и прелестная супруга одарила его многочисленным потомством. Но не будем

CORRESPONDANCE.

LETTRES SUR ODESSA adressées à Mr. CH. PICTET, l'un des Rédacteurs de la *Bibliothèque Britannique.*

Février 1809.

MR.

J'AI pensé que dans les circonstances malheureuses où se trouve le commerce en général, vous faire le tableau de celui d'Odessa, seroit-vous offrir un contraste consolant.

Dans ce tableau, quoique très-succinct, et imparfait, vous verrez avec plaisir, la tranquillité, l'abondance, et le bonheur, régner au milieu d'une population nombreuse; vous verrez que le négociant peut employer avec avantage, et sécurité, ses capitaux, ses talents, et son travail; vous y trouverez enfin une preuve, que le bonheur des nations, comme celui de chaque individu, git en soi-même; qu'on ne peut l'acquérir par des moyens violens; que la Providence a répandu sur chaque point du globe, une égale portion de sa bienfaisance, et que ce germe précieux

⁵Переписка Ришелье с Сикаром достаточно хорошо отражена в 54 томе Сборника Императорского русского исторического общества (далее — СБРИО), опубликованном в 1886 г. под ред. А.А. Половцева. Между прочим, именно в последнем письме Сикару герцог изложил план своего возвращения в Одессу летом 1822 г., чему не суждено было сбыться ввиду скорострительной смерти Ришелье. См.: Le Duc de Richelieu a m-r Sicard, le 10 (22) janvier 1822. — Там же, с. 636-637.

забывать, что речь идет об одном из богатейших купцов своего времени, так же, как и том, что его деловые качества являли собой гарантию честности и порядочности для купечества, и отнюдь не только в пределах города. Более того, репутация Карла Яковлевича была настолько велика, что русское правительство в течение ряда лет доверяло ему пост генерального консула в Ливорно, а ордена св. Владимира и Анны автоматически даровали ему право дворянства. Случай, следует отметить, достаточно редкий в отечественной истории XIX в. Даже сама трагическая смерть Сикара⁶, он погиб при кораблекрушении во время плавания из Одессы в Константинополь в феврале 1830 г., носила некий романтический характер. Ибо, как смерть актера на сцене, так и купца на палубе своего торгового корабля имеют едва ли отчетливо понимаемый своеобразный профессиональный оттенок долга, риска и возвышенности или, если угодно, предназначения. И все же Сикару суждено было войти в анналы отечественной, да и европейской истории, прежде всего, как автору "Писем об Одессе". Но посмотрим предварительно на то издание, в котором впервые появилась первая часть данного произведения.

Одним из крупнейших явлений культурной и научной жизни Европы периода революционных и наполеоновских войн по праву можно назвать выходявший в Женеве с 1797 по 1816 год журнал "Bibliothèque britannique", получивший в дальнейшем название "Bibliothèque universelle". Его редакторы, братья Марк и Карл Пикте, а также Фридрих Морис, изначально поставили себе задачу ознакомить широкую европейскую публику с лучшими образцами английской литературы, исто-

⁶ Здесь не затрагиваются немного анекдотичные и весьма далекие от реальной истории измышления относительно гибели Сикара. Скажем только, что писать завещание богатому купцу пожилого возраста перед плаванием в Константинополь было не просто общеупотребительной практикой того времени, но и долгом порядочного человека. Нелишним также будет напомнить и то, что всего за полтора года до смерти одесского негодянта едва не погиб император Николай I при переходе из Варны в Одессу на военном судне, которое доставило царя и его свиту, включая М.С. Воронцова, в порт назначения, не имея практически ни одной целой корабельной мачты. Тогда, во время шторма на Черном море, огромный линейный корабль в течение 36 часов носило по водам, как ореховую скорлупу, едва не выбросив на турецкий берег. См.: Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. — СПб., 1913. — С. 174-175, 440. Впрочем, есть еще более яркая аналогия на страницах дневника Эдварда Кларка, чудом спасшегося во время многодневной бури при плавании из Одессы в Константинополь: Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. — 2 ed. P. 2. — Russia, Tahtary (sic!) and Turkey. — V. 2. — L., 1816. — P. 403-409. Кстати, для тех, кто полагает, что некогда навигация по Черному морю была чем-то вроде легкой прогулки, приведем цитату: "Yet even those experienced officers described the Black Sea as being sometimes agitated by tempests more fearful than any thing they had encountered in the Ocean". — Ibid., p. 388. Это слова одних из лучших морских офицеров Англии, которые консультировали Кларка, имея опыт плавания и в океанах, и по Черному морю.

рии и искусств, научных статей и исследований в различных областях в переводах на понятный для всех образованных кругов континентальных стран Европы французский язык. Журнал имел огромный успех. И прежде всего, потому что совершенно не касался, или, вернее, старался не затрагивать какие-либо политические моменты, относящиеся к войнам, дипломатическим интригам и прочим вопросам, волновавшим "мир придержащих", но оборачивавшимся для простых смертных кровью, смертью и бедствиями.

Постепенно "Библиотек британик" стал публиковать и оригинальные статьи, а печататься в нем за честь почитали крупнейшие ученые и литераторы своего времени из многих стран. Естественно, что для Ришелье подобное издание предоставляло более чем удобную возможность обратить внимание европейских ученых не только на конкретные вопросы, связанные, например, с агрокультурой, геодезией или, скажем, вакцинацией населения в подвластном ему крае⁷, но и предоставить европейской общественности реальную картину изменений, произошедших в Северном Причерноморье. Однако найти европейски образованного литератора, способного изложить на достойном уровне данный материал, в стране, где подавляющая часть населения не только читать и писать не умела, но и с трудом выводила крестик вместо подписи, было далеко не простым делом.

Между тем еще в бытность свою в Петербурге Ришелье близко познакомился с распорядителем императорских театров при Павле I маркизом Кастельно, человеком умным, образованным, не лишенным драматургического таланта и литературного вкуса. В планах герцога, судя по всему, после его назначения на Юг, маркизу отводилась своеобразная роль историографа Новороссийского края. Данную миссию, как известно, Габриель Кастельно выполнил блестяще, опубликовав уже в 1820 г. в Париже трехтомную "Историю Новороссийского края"⁸, первоначальный вариант которой был представлен Александру I еще в 1812 г., получив полное одобрение императора. Кстати, вслед за письмами об Одессе Сикара,

⁷ Так, например, в научной серии журнала было опубликовано замечательное письмо герцога к доктору Де Карро из Вены, являвшемуся одним из родоначальников вакцинации от оспы с начала XIX в. широких слоев населения европейских стран: *Lettre de S.E. Mr. Le Duc de Richelieu, gouverneur de la Nouvelle Russie, a Mr. Le Dr. De Carro, a Vienne.* — Odessa, le 4 (15) mai 1810 / *Bibliothèque britannique.* — Т. 44. — Genève, 1810. — pp. 286-293.

⁸ *Castelnau, Gabriel de, marquis. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce.* — Т. 1-3. — Paris: Rey et Gravier, 1820.

BIBLIOTHEQUE

BRITANNIQUE;

OU

RECUEIL

Extrait des Ouvrages Anglais périodiques
et autres; des Mémoires et Transactions
des Sociétés et Académies de la Grande-
Bretagne, d'Asie, d'Afrique et d'Amérique.

en DEUX SÉRIES, intitulées:

LITTÉRATURE

ET

SCIENCES ET ARTS,

rédigé à Genève,

PAR UNE SOCIÉTÉ DE GENS DE LETTRES.

TOME QUARANTE-UNIÈME

QUATORZIÈME ANNÉE

LITTÉRATURE

A GENÈVE,

De l'Impr. de la BIBLIOTHÈQUE BRITANNIQUE

1809

о которых пойдет речь ниже, предполагалось издание книги Каstellно, чему помешала война с Наполеоном.

Есть большая доля вероятности, что именно Каstellно являлся автором анонимных писем, опубликованных в "Библиотек британник" в 1808 году под названием "Письма путешественника по южным провинциям России"⁹, которые нередко в литературе приписывали и Сикару как автору писем об Одессе¹⁰. В пользу последнего довода, казалось бы, говорили все внешние данные. Во-первых, последнее, шестое по счету письмо заканчивалось предложением редакции журнала продолжить публикацию подробным описанием состояния Одессы, лидирующее место которой среди городов и портов на Черном море уже не

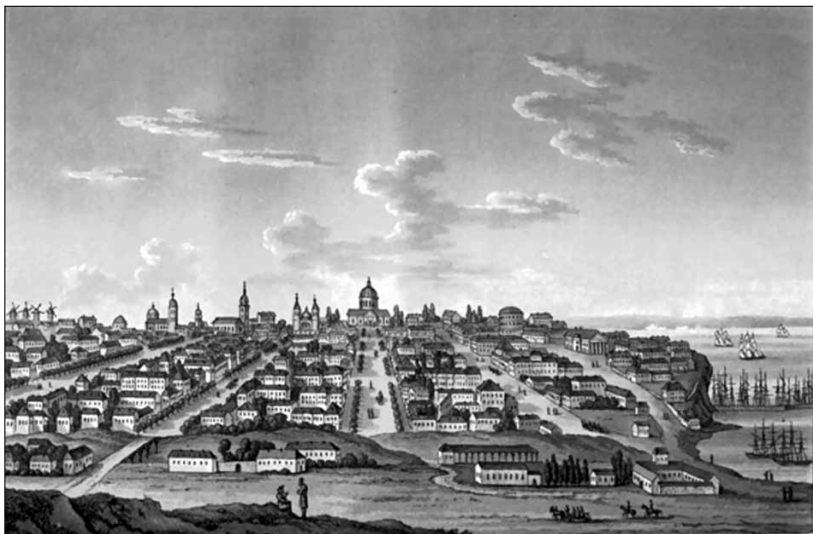
вызывала никакого сомнения.¹¹ Во-вторых, данные публикации связаны и хронологически, и тематически, что косвенно подтверждается перепечаткой из "Bibliothèque britannique" указанных писем под общим названием: "Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море"¹², сделанной в Москве в 1810 г., с параллельным, хотя и весьма далеким от совершенства русским переводом.

⁹ Lettres d'un Voyageur dans les provinces méridionales de Russie / Bibliothèque britannique. — Т. 39. — Genève, 1808, pp. 348-377, 478-503. — Т. 40. — Genève, 1809, pp. 81-111, 348-360, 477-501.

¹⁰ Так, в частности, предполагал А.А. Скальковский. — Записки Императорского одесского общества истории и древностей. — Т. 23, ч. 2, с. 30.

¹¹ Ibid., p. 501.

¹² Lettres sur la Crimée, Odessa et la mer d'Azov. — М., 1810. Отметим, что издатели честно указывают на 2 стр., что это не оригинальное издание, а: "Письма одного путешественника из Полуденной России, извлеченные из Британской библиотеки, 1808". И отнюдь не их вина, что некоторые библиографы впоследствии будут представлять их издание в качестве оригинального произведения.

Одесса. Гравюра из книги Кастиельно

Однако даже беглого прочтения указанных писем достаточно, чтобы отвергнуть причастность Сикара к анонимным публикациям писем в "Bibliothèque britannique" 1808 г. Это следует не только из совершенно разной стилистики и манеры изложения, но и целого ряда деталей, которые приводятся автором. Так, например, уже в начале первого письма он пишет, что никогда не видел растительный ландшафт степи, так как при переезде из Петербурга в Одессу мог наблюдать лишь степь, покрытую снегом¹³, то есть не ранее зимы 1807-1808 годов. Кроме того, начальный и конечный путь путешествия Одесса — Екатеринодар — Одесса совпадает хронологически с маршрутом инспекционной поездки главы Новороссийского края. Но если Ришелье двигался в сторону Керченского полуострова и далее на Кубань через Екатеринославскую губернию¹⁴, то автор писем, имея на руках письменное разрешение герцога, выбрал себе маршрут через Крым. Причем данный маршрут 1808 года со множеством дополни-

¹³ "En venant de Petersbourg a Odessa, j'avois déjà traverse près de cent lieues de steppe; mais comme il etoit a peine débarrassé de la neige, je n'avois pas pu juger de la végétation". — Bibliothèque britannique. — Т. 39, p. 349.

¹⁴ Rochechouart, comte de. Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration par le général comte de Rochechouart. Aide de camp du duc de Richelieu, aide de camp de l'empereur Alexandre I-er, commandant a place de Paris sous Louis XVIII. — P. 1892, p. 90-93.

тельных литературно обработанных деталей и вставок полностью совпадает с соответствующим разделом книги Кастельно, помещенным в третьем томе его работы.¹⁵

Правда, подобные детали можно было бы и опустить, ибо не они суть определяющие при рассмотрении данной темы. Если бы не появившиеся даже в академических изданиях последних десятилетий совершенно голословные утверждения об авторстве "Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море" Марии Гутри.¹⁶ Это тем более нелепо, что Мария Гутри к моменту выхода книги уже более десяти лет как была мертва. В лондонском издании 1802 года ее муж и издатель Мэтью Гутри прямо пишет о том, что его жена, осуществившая поездку в Одессу и Крым еще в 1795-1796 годах для поправления здоровья, в скором времени после данного путешествия скончалась, а потому публикация ее писем являлась посмертной.¹⁷ Естественно, что содержание книги Марии Гутри и указанного издания даже близко не имеют ничего между собой общего.

Впрочем, все это не столь важно, так как в 41 томе литературной серии

¹⁵ *Voyage en Crimée / Castelnaud*. Op. cit., t. 3, pp. 123-317. Вместе с тем здесь следует отметить, что в достаточно интересной статье (Полевщикова Е. Неизвестное и известное о маркизе Кастельно / Одесский альманах: "Дерибасовская — Ришельевская". — Кн. 23. — Одесса, 2005, с. 15-26) автор не совсем обоснованно связал переезд Кастельно в Одессу с выдачей в 1803 г. на его имя открытого листа на земельный участок. Практика того времени показывает, что редко кто из представителей высших сословий тотчас же переезжал в город в подобных случаях. Напротив, это лишь доказывает, что маркиз Кастельно не был против переезда в Одессу, а Ришелье изначально этого хотел.

¹⁶ См., например: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. — Т. 2, ч. 2. — М.: Книга, 1978, с. 55. Авторы данного каталога ухитрились даже сделать аннотацию: "Гутри Мария — французская путешественница. 1808-1809". Конечно, возможно, кому-то и заманчиво было бы представить себе даму начала XIX века, едущую на бричке с карабином в руках и саблей, зажатой между ног, в ожидании нападения черкесов ("Nous avions une carabine, un fusil, nos sabres entre nos jambes"). — *Bibl. britan.*, v. 40, p. 104), да еще и пьющую водку стаканами с атаманом черноморских казаков. Вот только сюжет сей отнюдь не для серьезной литературы, а тем более не для научной, но исключительно для водевилей и дешевых бульварных романов. Впрочем, подобную бестактность можно объяснить исключительно некомпетентностью в истории Новороссийского края составителей подобных каталогов. Достаточно сказать в этой связи, что даже при переводе собственно названия книги Кастельно "Histoire de la Nouvelle Russie" в предисловии Байрона к шестой, седьмой и восьмой песням "Дон Жуана", русский же переводчик вместо "История Новороссийского края" в шпекле делает пассаж: "История России нового времени" (Байрон Дж. Г. Дон-Жуан / Библиотека всемирной литературы. — Т. 67. — М., 1972, с. 441). То есть редакция академического издания всемирно известного произведения даже не подозревала, как на русском языке звучало название края, которым управлял человек, выводимый Байроном в качестве главного героя: "На самом деле героем этой истории был покойный герцог Ришелье, в то время доброволец в русской армии, а впоследствии — основатель и благодетель Одессы, где никогда не перестанут чтить его имя и память". — Там же.

¹⁷ Guthrie M. A tour performed in the years 1795-6 through the Taurida, or Crimea. — L., 1802. — p. V.

"Bibliothèque britannique" было опубликовано первое письмо об Одессе, датируемое февралем 1809 года.¹⁸ Как и "Письма путешественника по южным провинциям России", данное письмо было опубликовано анонимно. Однако в скором времени с очень незначительными редакционными поправками было включено в петербургское издание 1812 г.¹⁹, о чем Шарль Сикар, под именем которого книга и была опубликована, исчерпывающе говорит в предисловии. Следует отметить, что после посещения Александром I Одессы в 1818 г. данное произведение Сикара вышло в переводе и на русском языке.

Чем именно привлекла внимание русского императора книга Сикара, ибо то, что подобная литература могла быть напечатана в России только после личного распоряжения царя, не вызывает сомнения, понять совершенно не трудно. Александр увидел в письмах французского негодичанта воплощение тех грандиозных реформ, которые были задуманы им еще в начале своего царствования для всей империи, но проваленные в условиях укоренившегося крепостного строя и азиатского уклада жизни внутренних губерний. Величие управления герцога Ришелье как раз и заключалась в том, что он сохранил положительные тенденции александровских реформ начала века, не допустив при этом распространения рабского уклада империи на Новороссийские губернии. Сикар не задавался подобными вопросами, но как человек дела и не лишенный способности понимать причинно-следственную связь поразительных изменений на Юге, четко отразил на примере развития юной Одессы основополагающий принцип любого цивилизованного движения — свобода.

К моменту публикации "Писем об Одессе" в "Bibliothèque britannique" в 1809 г. Европа уже была буквально истерзана перманентными войнами, вызванными Французской революцией. Именно тогда великий Гойя писал беспощадные по своей реалистичности рисунки о преступлениях войны. Именно тогда некогда процветавшие, богатейшие торговые города старой Европы приходили в полнейший упадок под натиском безумных условий "континентальной блокады" Наполеона. Это было время, когда сила оружия подавляющему большинству людей казалась фатальной необходимостью и едва ли не единственной панацеей от всех бед с утопической надеждой на лучшее будущее. И именно тогда в европей-

¹⁸ Lettres sur Odessa adressées à Mr. Ch. Pictet, l'un des rédacteurs de la Bibliothèque Britannique / Bibliothèque Britannique. — Т. 41. — Genève, 1809. — pp. 247-265.

¹⁹ Sicard Ch. Lettres sur Odessa, par Sicard, aine, Négociant établi dans cette ville. — St.-Pétersbourg, 1812.

ском журнале появились замечательные строки из письма одесского негодянта:

"Месье! Я полагаю, что в условиях бедствий, в которых оказалась всеобщая торговля, был бы утешительным пример противоположного свойства, обрисовав вам картину состояния коммерции Одессы.

В этой картине, хотя и весьма краткой и несовершенной, вы с удовлетворением обнаружите спокойствие, достаток и благополучие, царящие среди многочисленного населения; вы увидите, что существует край, в котором негодянт может использовать с прибылью и безопасностью свои капиталы, свои таланты и труды свои. Наконец, вы обнаружите доказательство того, что благополучие народа, так же, как и любой личности, покоится в нем самом; что невозможно достигнуть этого средствами насилия; что Провидение распределило на каждую точку земного шара равную часть своего благодеяния, и что этот драгоценный росток благополучия человеческого может быть оплодотворен только мягкостью культуры и покоем".²⁰

Как часто в истории мы находим примеры задуманного, предложенного, эвентуально возможного! Проектеры всех времен и народов давали рецепты переустройства государств, общества, евгеники. Но как мало мы можем наблюдать образцы практического воплощения значимых для совершенствования общества деяний, остановить осуществление которых не смогли никакие объективные и субъективные причины! Сикар, этот достаточно скромный в европейской общественной мысли человек, произнес слова, которые, вероятно, могли только мечтать произнести многие лучшие представители философии и просветительства нового времени. Ибо между фразами "нужно делать так" и "необходимо было делать так, и мы это сделали" — пропасть. Европе понадобились десятилетия обще-континентальных и мировых войн, прежде чем осознать, что "благополучия народов невозможно достигнуть средствами насилия" и что "благополучие народа, так же, как и любой личности, покоится в нем самом".

Не вдаваясь в подробное рассмотрение книги Сикара, отметим лишь некоторые наиболее существенные, общие моменты, исходящие из ее содержания. Прежде всего, это касается основополагающей для системы фритредерства реальной свободы торговли для всех наций и народов, которые были заинтересованы в торговом обмене через одесский и другие

²⁰ Ibid., p. 7-8.

черноморские порты. Даже понятие монополии в осуществлении коммерческих оборотов через порты Черного моря отсутствовало по определению, хотя достаточно энергичные попытки ее установления в самом начале века предпринимались еще до назначения герцога Ришелье в Одессу.²¹ Если вспомнить, что вся торговля, шедшая через Балтийское море, более чем на 70% контролировалась англичанами, то становится понятным, сколь серьезным преимуществом обладала юная Одесса в темпах своего развития по сравнению, например, с самыми крупными портами империи на тот момент, какими являлись рижский и петербургский.

Более того, можно со всей очевидностью утверждать, что Одесса стала едва ли не первым городом Европы, где фритредерство, при всей условности данной экономической категории, нашло свое воплощение в чистом виде. Ибо даже Великобритания, родина великой экономической теории Адама Смита, вплоть до середины XIX в. прятала свои огромные прибыли, получаемые от посреднической торговли, по правилам "Навигационного акта", согласно которым ввоз товаров в Англию мог осуществляться только английскими судами. Сикар, напротив, практически в каждом разделе своей книги ратовал за расширение иностранной торговли и в качестве количественном отношении, и в географическом.

Нельзя забывать, что русский торговый флот в рассматриваемое время был не просто слаб и немногочислен, особенно на Черном море, но и крайне недостаточен для ведения хоть какой-нибудь значимой части собственных экспортных операций, хотя в то же время Российская империя и являлась единственной страной, имевшей положительное сальдо в торговле со всеми государствами Европы. У английских моряков того времени даже ходила шутка, что русские торговые корабли самые защищенные в мире, так как на каждый торговый корабль приходилось не менее двух военных судов. Однако в том и состоял парадокс экономического эффекта Одессы, что он ломал один стереотип за другим, превращая собственные слабости и внешние угрозы в свое преимущество. Приверженец физиократов и экономической теории Тюрго, герцог Ришелье великолепно понимал, что во вверенном под его управление крае найти сотни матросов, опытных капитанов и штурманов для торгового флота элементарно невозможно. Это не было бы возможно даже в масштабах всей империи. Да и зачем, если заинтересованные в развитии черноморской тор-

²¹ Подробнее см.: Третьяк А.И. Провал монопольного проекта. (Мнение государственного канцлера графа А.Р. Воронцова о Генуэзской компании) // Конкуренция. Вестник Анти-монопольного комитета Украины. — 2003, № 1(4), с. 48-51.

говли страны стягивали через одесский порт купеческие капиталы, корабли, опытных мореходов из Испании, Франции, итальянских государств, Австрии, Греции, Турции и т. д.? В данном отношении оставалось только строго соблюдать основополагающие принципы фритредерства, когда экономическая целесообразность становилась сильнее политических амбиций.

В то время, когда Сикар писал свои письма об Одессе, в непосредственной близости границ Новороссийского края, со стороны Кавказа и Дуная, происходили полномасштабные боевые действия русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Собственно и Ришелье принимал участие в этой войне, командуя русскими войсками при взятии Аккермана и Анапы. Но торговые обороты Одессы в означенный период не только не упали, а резко возросли. Так как закрой, к примеру, Османская империи черноморские проливы для прохода торговых кораблей, шедших из одесского порта, то и наказала бы сама себя, вызвав, по меньшей мере, голодные бунты в собственной столице. Не менее яркая картина обозначилась и в период так называемой континентальной блокады. То, за что купцов приморских городов континентальной Европы наказывали и даже расстреливали, конфискуя и сжигая колониальные товары, одесским купцам приносило огромные барыши, особенно торговля кофе и хлопком. И подобных примеров можно приводить множество.

Своей книгой "Lettres sur Odessa" Шарль Сикар оставил замечательный памятник экономической мысли начала XIX столетия. Возможно, не всем читателям нынешнего времени те или иные положения ее окажутся понятными. Но одно остается совершенно очевидным — масштаб личности одесского негодьянта, его разносторонняя эрудиция позволяет говорить об абсолютной осознанности складывания правил социально-экономического развития юного города на берегу Черного моря, где менталитет заезжих чиновников и мелких лавочников отнюдь не был определяющим фактором.

Помимо собственно писем об Одессе Сикар также оставил после себя небольшие по размеру, но яркие и весьма содержательные воспоминания, написанные им в самом конце жизни, о городском быте в период правления Ришелье²². Повторимся, Шарль Сикар не был писателем, а тем более профессиональным литератором. И все же его искренность и где-то трогательная наивность строк, посвященных личности герцога, дают нам об-

²² Sicard Ch. Notice sur onze années de la vie du duc de Richelieu a Odessa / СБРИО, т. 54, с. 25-79.

раз Ришелье неизмеримо более привлекательный, чем это смог бы сделать самый талантливый художник своего времени. Видимо, на скрижалях истории Сикару и было суждено оставить свое имя в качестве одного из самых деятельных соратников знаменитого одесского градоначальника, что, невзирая на чины и посты, позволяло ему до конца дней своих гордиться высокой честью личной дружбы с великим человеком своей эпохи.

